

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ВОЕННОГО ПРОГРЕССА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

FEATURES OF MENTAL ASPECTS OF MILITARY PROGRESS IN THE GLOBAL WORLD

УДК 141

DOI: 10.15372/PEMW20180304

С. В. Максимов

Сибирский федеральный университет, Красно-
ярск, Российская Федерация,
e-mail: maxserge@mail.ru

Maksimov, S.V.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, the
Russian Federation,
e-mail: maxserge@mail.ru

М. П. Яценко

Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

Iatsenko, M.P.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk,
the Russian Federation,
e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется военный прогресс как важная составляющая социально-го развития, имеющая ментальные особенности. Автор показывает, что в глобальном мире изменяются представления о сущности войны, это во многом обусловлено научно-техническим прогрессом. Особое внимание уделяется новейшим информационным технологиям, в результате которых военный прогресс приобрел новые черты в виде кибероружия и т.п. Освещаются новые тенденции, характеризующие военный прогресс современности, в частности, анализируются особенности военного прогресса после упразднения мировой биполярной системы. НАТО продолжает движение к российским границам, мотивируя это необходимостью борьбы с международным терроризмом. Тем не менее реальные цели при этом остаются прежними, хотя и приобрели более рациональную окраску. Доказывается, что ментальные особенности конкретного общества принципиальным образом влияют на алгоритм военного прогресса, поскольку базируются на исторически сложившихся представлениях о справедливых и несправедливых войнах, а также включают в себя различия в наполняемости таких понятий, как «патриотизм», «отвага», «гражданский долг» и т.п.

Abstract. The article analyzes military progress as an important component of social progress that has its mental characteristics. The authors show that in the global world, views on the nature of the war change mainly due to scientific and technical progress. The paper focuses on the most recent information technologies that resulted in new features of military progress like cyber weapons, etc. The article highlights new tendencies in contemporary military progress. The authors analyse characteristics of military progress after discontinuation of the world bipolar system. NATO continues approaching Russian borders, explaining it by the need to fight with international terrorism. However, the real goals remain the same; nevertheless they are represented in more appropriate and understandable way. The mental features of particular society influence the procedure of the military progress as they are based on historically view, of fair and unfair wars and include differences in such concepts as «patriotism», «courage», «civic duty», etc.

Ключевые слова: *военный прогресс, менталитет, глобальный мир, кибервойна, военное производство, военная сила, международный терроризм, имперская политика, превентивные ядерные удары.*

Keywords: *military progress, mentality, global peace, cyberwar, military production, military power, international terrorism, imperial policy, preventive nuclear strikes*

Для цитаты: Максимов С.В., Яценко М.П. Особенности исследования ментальных аспектов военного прогресса в глобальном мире // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, №3. С. 1990–1999.

For quote: Maksimov, S.V., Iatsenko, M.P. [Features of mental aspects of military progress in the global world]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*. 2018, vol. 8, no. 3, pp. 1990–1999.

DOI: 10.15372/PEMW20180304

DOI: 10.15372/PEMW20180304

Введение. Военный прогресс представляет собой поступательную деятельность людей по формированию устойчивой системы безопасного существования социума в различных системах межгосударственных отношений. Актуальность исследования в этом направлении обусловлена следующими ведущими причинами. Во-первых, одной из особенностей общественного развития последних десятилетий является возрастание социальной активности человека в его идентификации с определенной общностью, подобная деятельность всегда имеет ментальную окраску. Обеспечивая человеку мощную социальную поддержку и защиту, общность может в то же время жестко регламентировать жизнедеятельность человека, подавляя его свободу и индивидуальные особенности, что обусловлено интересами выживания конкретного социума в экстремальных исторических условиях. Принципиальную роль в этом плане играет уровень военного прогресса, благодаря которому происходит мобилизация общества, в том числе и во внутренней жизни. Во-вторых, в XX в. возникает феномен «массового сознания», однако социальная активность также имеет ментальную основу, не всегда приобретая крайние формы («восстание масс»), что в значительной степени зависит от условий, характерных для конкретного социума. В-третьих, современные универсалистские тенденции характеризуются многосторонним глобализационным давлением на общества незападного типа со стороны субъектов глобализации, что вызывает активное противодействие, которое не может достичь своей цели – сохранения социокультурной идентичности – вне ментального контекста. Подобные тенденции влияют на этапы и формы развертывания социального прогресса, важной составляющей которого выступает военный прогресс, проявляющийся в рациональных и нерациональных формах. Таким образом, можно заключить, что ментальная составляющая во многом определяет военный прогресс даже в глобальном мире, одной из ведущих характеристик которого является нивелирование социокультурной идентичности. Когда на историческую арену выходят массы людей, десятки и сотни миллионов, вдохновляемые теми или иными идеями преобразования мира, то они, как правило, руководствуются своими, ментальными представлениями о сущности военного прогресса, используя его достижения в своих действиях.

Включение ментальных особенностей в сферу изучения военного прогресса обусловлено также тем обстоятельством, что в глобальном мире научно-техническое развитие приближается к грани, когда могут возникнуть качественно новые средства массового уничтожения людей, более чудовищные, чем даже ядерное оружие. В этой ситуации принципиальное значение приобретают исторические традиции, сложившиеся в конкретном обществе, поскольку только на их основе возможен адекватный ответ на любую агрессию. В свою очередь развертывание военного прогресса на этапе, который гарантирует безопасность социума, а также отвечает задачам сохранения суверенитета, предполагает наличие соответствующего уровня образования у всех, кто причастен к этому процессу.

Исследование военного прогресса проблематизируется многими факторами. На рубеже XX–XXI вв. приобретают особую остроту проблемы, связанные с ментальными проявлениями военного прогресса, достаточный уровень которого является гарантом сохранения социокультурной идентичности не только отдельной социокультурной системы, но и человечества в целом.

Постановка проблемы. Преобладание в массовом сознании упрощенного, проявляющего себя в технических показателях, представления о военном прогрессе вызывает высокую подвижность в определении критериев и перспектив развития общества, что позволяет определенным общественным силам манипулировать частью социума в своих политических целях, и военный прогресс становится полем идеологической и политической борьбы.

В XXI в. проблемы, связанные с военным прогрессом видятся глобально, нежели в XX в., поскольку даже малые государства доказали, что они в состоянии генерировать прогрессивные идеи, аккумулируя интеллектуальный капитал. Рост взаимозависимости между различными регионами и странами

проявляется в виде все возрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена. В этом плане принципиальное значение приобретают ментальные характеристики военного прогресса, что, как правило, остается за рамками интересов ученых, однако не может игнорироваться на уровне образовательного процесса.

Важной составляющей военного прогресса в аксиологическом аспекте техногенной цивилизации является ценность научно-технического взгляда на мир, поскольку научно-техническое отношение к миру является базисным для его преобразования. Однако наряду с конструктивным направлением подобная установка может создавать ложную уверенность в том, что человек способен, контролируя внешние обстоятельства, рационально-научно устроить свою жизнь, подчиняя себе природу, а затем и саму социальную жизнь.

Учет ментальных особенностей развертывания военного прогресса связан также с тем обстоятельством, что формирование «постхолодного мира» не завершилось, а Россия все чаще становится объектом этого процесса. В подобном мире теряют свой изначальный смысл или приобретают новую наполняемость многие понятия («патриотизм», «родина», «гражданство» и т. п.), поскольку глобализация нивелирует все проявления идентичностей. Естественно, что подобные процессы вызывают ответную реакцию, ведь именно патриотизм спас Россию, в то время как «американский патриотизм подорван саперами культурной революции. Когда Мадлен Олбрайт, Уильям Коэн и Сэнди Бергер отправились в Огайо, рассчитывая добиться поддержки в вопросе возобновления бомбовых ударов по Ираку, они с изумлением обнаружили, что «поколение Икс» жаждет участвовать в клинтоновских войнах не больше, чем Билл Клинтон и его «поколение Вудстока» жаждали воевать за Никсона» [1, с. 338].

Ментальные особенности военного прогресса во многом обусловлены тем фактом, что до XX столетия человечество развивалось, осознавая себя бессмертным. В столкновениях, конфликтах и войнах могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но все же человечество оставалось и продолжало свою историю. Однако во второй половине XX в. возникла проблема выживания, поскольку научно-технический прогресс создает все более широкое поле возможностей для принципиально нового развития военной техники и оружия массового уничтожения. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: наращивание силы, технологической мощи человечества привели его к состоянию, когда оно не только не может реализовать изначальные претензии всестороннего господства над обстоятельствами, а, напротив, окончательно попадает во власть обстоятельств, становится заложником оружия массового уничтожения, которое оно само же изобретает. В этой ситуации различные социумы ведут себя по-разному, сообразно своему менталитету.

Неизбежность включения ментального аспекта в сферу исследования военного прогресса обусловлена также тем фактом, что мировые войны XX в. практически перечеркнули гуманистические идеалы, складывающиеся на протяжении столетий. Более того, Вторая мировая война породила в среде ученых зловещий тезис об апокалиптической закономерности исторического развития, поскольку применение атомного оружия стало началом новой конфронтации различных систем, гонки вооружений и выходом на такой ее виток, когда человечество зримо обнаружило возможности самоуничтожения.

Методика и методология исследования. Военный прогресс представляет собой постоянно меняющуюся систему, включающую как технические, так и социальные элементы, что позволяет, с одной стороны, многопланово исследовать различные структуры военного прогресса и изучать динамику того, что выходит на первый план и раскрывается как военный прогресс в данный период. С другой стороны, военный прогресс должен представлять наступательную составляющую социального прогресса, поскольку именно он максимально характеризует адекватность общества в его способности противостоять внешней угрозе.

Ментальные характеристики военного прогресса во многом обусловлены вестернизмом, при помощи которого выдвигаются претензии Запада на исключительность и оправдываются все виды агрессии. Современная версия вестернизма действует чаще всего как неявная предпосылка для позиционирования западных стран в качестве точки отсчета и главного критерия общественного прогресса, включающего в себя и военный прогресс. Предлагая сравнивать достижения разных социумов в экономике, науке, технике, технологии и т. п., идеологи европоцентризма выстраивают мировую историю по европейским канонам и по результатам конкурентной геополитической борьбы, ориентированной на победу прогресса, выбранного европейцами. Преодоление европоцентризма возможно только на пути отказа от свойственных западноевропейской философской традиции жестких бинарных оппозиций в контексте преодоления логоцентризма и антропоцентризма в целом.

Военный прогресс представляет собой постоянно меняющуюся систему, которая в одном случае начинает приобретать актуальное значение, принимая одни параметры, а в другом случае – принци-

ально иные параметры. Это и дает возможность исследовать различные структуры военного прогресса и изучать то, что выходит на первый план и раскрывается как военный прогресс в данный исторический период, о чем говорилось выше. Военный прогресс характеризует способность общества противостоять внешней угрозе.

Результаты. Понимание сущности военного прогресса в его ментальных проявлениях предполагает учет характерных особенностей его развертывания, а также показателей развития экономической, политической, духовной и социальной сфер общественной жизни, что в значительной мере продиктовано историческими условиями его формирования. Военный прогресс должен строиться таким образом, чтобы противник все время находился в догоняющем и непредсказуемом для него режиме, потому что удержание противника в таком состоянии создает у него ощущение слабости. В этом случае военный прогресс отвечает чаяниям общества, поскольку социальная энтропия и различные виды социального нестроения в обществе выступают в качестве детерминанта, способствующего развитию военного прогресса: преодоление социального хаоса является задачей не просто политической, поскольку требует определенного уровня развития военной теории, основанной на новейших технических средствах.

Ярким подтверждением ментальной составляющей в военном прогрессе является пресловутый «план Алена Даллеса», который изначально позиционировался как проект по уничтожению «мешающей прогрессу» России изнутри из-за невозможности уничтожить ее снаружи. Предполагалась длительная ювелирная работа по разложению нашего менталитета, которая включала в себя опрокидывание системы ценностей, ниспровержение вековых идеалов. Ярким примером подобной деятельности является образовательная реформа, которая была направлена на быстрое превращение хомо сапиенс в хомо экономикус, то есть человека мыслящего в человека рыночного. Для России подобные «реформы» на практике оказываются страшнее любого нашествия, экономического кризиса или политического катаклизма, потому что они представляют собой своеобразную нейтронную бомбу, которая поражает душу, создавая видимость здорового тела. Можно констатировать, что создание и использование искусственной энергии определило рост могущества цивилизации и потенциальные опасности, которые возникли в последние годы, когда человечество стало превращаться в «геологообразующую» силу и «главного загрязнителя», нарушившего характер естественно сложившихся биогеохимических циклов [2, с. 105]. Хотя эти проблемы носят универсальный, всечеловеческий характер, они имеют ментальную специфику, которая зависит от условий выживания в конкретных природных условиях. Более того, борьба за природные ресурсы все чаще перемещается в сферу военного прогресса. Как отмечает исследователь проблем войны и мира Н. Розов, «...войну уже нельзя приписывать частным заблуждениям, несовершенству общественного устройства или злой воле отдельных групп или лиц. Война требует не только конкретного научного, но и общего – философского, прежде всего онтологического, осмысления ее бытийных основ и сущностных источников» [3, с. 76]. В свою очередь, Глоссон считает, что война – это «...масштабный конфликт с применением насилия между организованными группами, которые являются правительствами или стремятся к учреждению правительств» [4, с. 189].

Главная задача военного прогресса – это недопущение ядерной войны, которая не оставит ни победителей, ни побежденных, поэтому военный прогресс включает в себя основательный анализ военного искусства прошлых эпох. Как отмечает Р. Коллинз, если «...мы хотим понять условия существования социального порядка, нам следует сравнить их с условиями, вызывающими его разрушение» [5, с. 35]. В данной связи принципиальное значение имеет анализ причин войны и предвоенных событий, то есть всех фактов, которые в той или иной степени спровоцировали военный конфликт.

Исторические события XX в., в частности Карибский кризис заставили политическую элиту сверхдержав серьезно задуматься над модусом своего поведения в конфликтных ситуациях и внести определенные коррективы в характер «конфликтного взаимодействия». Стало очевидно, что в лобовом, неконтролируемом столкновении ядерных сверхдержав победителей не будет, и осознание этой истины способствовало стабилизации биполярной системы. В этом же направлении осуществлялось установление прочного паритета в соотношении ракетно-ядерного потенциала двух сверхдержав. Однако лидеры США, не оставив надежды на победу в «историческом противоборстве», на деле отказались от идеи ее достижения путем эскалации прямого военного противостояния. К четкому структурированию советско-американского конфликта лидеров сверхдержав подталкивала и наметившаяся эрозия двух главных военно-политических блоков и общая тенденция к размыву биполярности, грозившая подорвать устои системы. На рубеже 1960–1970-х гг. стало очевидно, что многие традиционные стереотипы, возникшие еще во времена становления биполярной системы, по ряду важных параметров плохо коррелируют с реальной действительностью международной жизни тех лет. Частью ученых военный прогресс понимался с позиций модернизации, когда «разрядка» рассматривалась как форма модернизации биполярной системы. Именно это обстоятельство и дало исходный импульс «разрядке», что изме-

нило протекание военного прогресса, однако в руководстве росло понимание того, что базовые устои биполярной системы нуждаются в определенной модернизации, которая должна затрагивать не только военную область.

Исследование менталитета в системе военного прогресса для России имеет особое значение, что связано с тем, что нашей стране приходилось выполнять одновременно функции «щита» и «поста» между Европой и Азией, совмещая в себе элементы и Востока, и Запада. Занимая внутреннее пространство Центральной Евразии, Россия стала «осевым» районом мировой политики. Именно в имперский период своей истории Российское государство получило уникальную возможность осуществлять миссию «держателя равновесия» между Востоком и Западом. Это требовало постоянного и гигантского напряжения силы и соответствующего уровня военного прогресса на протяжении всей отечественной истории.

Адекватное восприятие военного прогресса вряд ли возможно, если не учитывать, что территориальный рост Российского государства происходил не в результате целенаправленной политики правящих кругов, а являлся во многом следствием сцепки и соотношения конкретных обстоятельств. Территориальная экспансия России, как правило, была вызвана необходимостью обезопасить себя от вражеских вторжений, стремлением вернуть ранее отторгнутые другими государствами земли и отвоевать себе свободный выход к морям, без чего в ту эпоху было бы невозможно поступательное развитие страны. Все это опрокидывает культивируемые идеи о какой-то «особой агрессивности» России по сравнению с другими странами. Вместе с тем не следует скрывать от подрастающего поколения тот факт, что встречались чисто имперские проявления политики России, непосредственно не связанные с задачами обороны: Каспийский поход Петра, завоевание Средней Азии, присоединение Польши и Финляндии. Тем не менее они вполне вписываются в общий, имперский контекст славной российской истории.

Российское государство, соединяя в себе черты восточных деспотий и европейского абсолютизма, являлось гарантом безопасности и сохранения независимости страны. Ценой весьма жестоких мер оно обеспечивало решение важнейших стратегических задач, стоявших перед страной. В этой связи представляется весьма интересной трактовка двойственного положения российской элиты XVIII в., которая, являясь европейской по образованию и ценностным предпочтениям, служила самодержавной власти, проводившей жесткую политику по укреплению державы, что не всегда укладывалось в европейские каноны. Кроме того, важнейшей особенностью Российской империи являлось положение имперообразующего этноса – русские не имели каких-либо преимущественных прав перед другими народами. В стране, несмотря на отдельные издержки и конфликты, существовала атмосфера национальной и религиозной терпимости. Она сложилась благодаря не только гибкой политике правительства, но и в огромной степени менталитету русского народа, который позволял проводить такую политику [6].

Реальный военный прогресс предполагает соответствующий исторический базис, поэтому фальсификация истории – одно из самых распространенных направлений в информационной войне. Фальсифицируя историю, отечественные либералы часто зарабатывают политические очки, хотя давно доказано, что европейские короли были куда более жестоки, чем, к примеру, Иван Грозный, казнивший 10–15 тыс., в то время как английский король Генрих Восьмой повесил 72 тыс. крестьян, испанские короли Карл Пятый и Филипп Второй казнили 100 тыс.

Особенно ярко это проявляется во взгляде на Вторую мировую войну, где различия разных научных школ не только не преодолены, но и с течением времени усугубляются. Сегодня никого не удивляет тот факт, что американские и европейские идеологи и пропагандисты ведут постоянную кампанию по дискредитации и преуменьшению роли Советской армии в победе над гитлеризмом. Часто СМИ пытаются приуменьшить роль Гитлера в войне, результатом которой стала гибель 55 млн землян из 72 втянутых в нее стран. Подобные методы используют и некоторые западные ученые. Например, в своей книге Томас Тейлор преклоняется перед мудростью Эйзенхауэра, который представил честь штурмовать логово Гитлера Жукову, зная, что потери будут огромными [7]. Продолжает эту линию и американский военный историк Майкл Ланнинг в книге «100 величайших полководцев всех времен» внес Наполеона и Гитлера, но не упоминает Кутузова и Сталина. К тому же в этом рейтинге Суворову он отводит 50-е место, а Жукову – 70-е [8].

В этой связи важно учитывать, что «Вторая мировая война радикально изменила экономическую и политическую ситуацию в мире. Европейским экономикам был нанесен сильнейший удар: по уровню ВВП крупнейшие страны Европы оказались отброшенными к показателям конца XIX и начала XX в. (Италия – к уровню 1909 г., Германия – 1908 г., Франция – 1891 г., Австрия – 1886 г.). На этом фоне единственным лидером оказались Соединенные Штаты: их доля в мировом валовом продукте превысила 45%...» [9, с. 63]. Следует обратить внимание на важное различие в отношении к историческому

прошлому: европейцы не отрекаются от своей истории, потому что на Западе место истории – в музеях и архивах, а для нас же история всегда представляет собой поле битвы. Безусловно, что это создает условия для формирования того или иного вида военного прогресса на конкретной национальной почве.

Военный прогресс ясно и последовательно отражает ценности и стандарты новейшего западного сознания, поскольку такие концепции, как «конец истории», «конфликт цивилизаций», «золотой миллиард человечества», «пределы роста» выгодны тем, кто сегодня пытается навечно закрепить выгодную для себя международную систему, лишая народы «периферии» будущего. Известно, что для элиты, представляющей индивидуалистические общества Запада, социальный прогресс не является целью, потому что она, согласно идеалам технократического детерминизма, изобретает законы становления общества. В то же время социальный авангард коллективистского общества, следуя естественным законам общественного развития, создает благоприятные условия для социального прогресса.

Фанатичная приверженность Европы принципу соблюдения законности означает, что она может полностью трансформировать страны, с которыми она вступает в отношения, а не просто оказывать поверхностное воздействие на них. В современном мире массовых коммуникаций борьба за ценности – это и есть борьба за контроль, что и определяет алгоритм военного прогресса стран НАТО. Однако мировой порядок без демократически принятых, исполняемых, единых для всех законов является по сути своей террористическим, то есть использование силы или угрозы силой для достижения политических или социальных целей встроено в саму систему [10, с. 71]. Приметой нашего времени становится виртуализация политического и информационного пространства. Например, «миротворец», получивший Нобелевскую премию мира, Барак Обама не только не прекратил войну в Афганистане, но и увеличил контингент на 30 тыс. человек; развязал войну в Ливии и т. д.

При исследовании ментальных аспектов военного прогресса важно учитывать тот факт, что интеграционный потенциал России многократно превосходит общеизвестную привлекательность Европы и Запада в целом. Более того, на постсоветском пространстве все зависит именно от России, а не от всемогущего «вашингтонского обкома». «Усиление России, на данный момент лишь гипотетическое, изначально перечеркнет саму возможность существования как самой независимой Украины, так и всех остальных окраин. Вне зависимости от того, будет ли данный подъем имперским либо сугубо национальным (других вариантов нет), функционирование враждебного, демонстративно антирусского государства закончится» [11, с. 106].

Военный прогресс стимулируется также имперской политикой, которая еще совсем недавно считалась привилегией одной-единственной страны, однако постепенно становится вполне актуальным трендом. Это касается и России, хотя она на данный момент не способна не только реализовать собственные имперские сценарии, но и ответить на окружающие ее империалистические вызовы. Поэтому логично, что катализатором позитивных перемен стало укрепление России, способной теперь на равных с другими ведущими державами участвовать в формировании и реализации глобальной повестки дня. Без России и вопреки России не решить ни одной сколько-нибудь значимой международной проблемы. Вот почему западные лидеры все чаще рассматривают будущие войны с позиций аксиологии. Например, оправдывая войну в Ираке, премьер-министр Великобритании Т. Блэр утверждал, что речь идет ««не просто о безопасности и военной тактике. Это битва ценностей, которую можно выиграть в результате победы терпимости и свободы. Афганистан и Ирак являются необходимыми начальными пунктами этой битвы». «Мы можем победить, доказав, что наши ценности сильнее, лучше, справедливее, чем альтернативные ценности». Ключевой смысл этих интервенций состоял не просто в смене режимов, а в изменении ценностных систем, которыми руководствуются соответствующие страны. «Если мы хотим защищать наш образ жизни, то нет альтернативы, кроме как бороться за него. Это означает отстаивать наши ценности не просто в наших странах, но и по всему миру» [12, с. 26].

Неудавшаяся попытка насильственного конструирования монополярного мира предполагает, несмотря на различные интерпретации военного прогресса в современном глобализирующемся мире, единомыслие в понимании безопасности. Дело в том, что информация об акциях террористов ИГ почти всегда доступна для трансляции, благодаря чему легко распространяется централизованным способом при помощи СМИ, а также децентрализованным способом. Например, в социальной сети «Twitter» адепты ИГ использовали в целях распространения информации и пропаганды свыше 46 тыс. аккаунтов [13, с. 76]. Особую позицию здесь занимает Россия, противостоящая ИГ на территории Сирии, для поддержки президента Башара Асада. Хотя официально ИГ, являющееся квазигосударством, подверглось экономической блокаде, оно активно ведет военные действия, его контроль над территорией части Сирии и Ирака пока непоколебим [14]. Ряд социальных и психологических причин способствует тому, что ИГ сегодня – наиболее сильное интернациональное террористическое течение [15]. Источником ИГ является Аль-Каида, потому что она привлекает экстремистов и радикальных исламистов гораздо

эффективнее предшественников. ИГ пополняется новыми членами не только за счет исламского пояса Африки и Ближнего Востока, но и за счет европейских стран [16],

Важным направлением развертывания современного военного прогресса, во многом обусловленного менталитетом, является трансгуманизм, который в современном мире определяет целые направления общественной жизни. Он выходит далеко за пределы военной интервенции и включает в себя международные финансовые приготовления, торговые договоры, а также контроль за технологиями и материальными, и человеческими ресурсами и целый ряд других средств, благодаря которым сила становится концентрированной и организованной и прилагается к институциональным системам давления и контроля. Трансгуманизм, по своей сути, является антиподом естественно-исторического развития общества, поэтому сохранение менталитета как особого характера конкретного народа является важным стимулом развертывания военного прогресса. Например, во время нападения на Югославию НАТО впервые оперировало гуманистическими ценностями как более важными в международных отношениях, чем традиционные ценности территориальной целостности и суверенитета государств. Таким образом были поставлены под сомнение принципы мирного сосуществования стран, которые на протяжении полувека сохраняли планету от очередной мировой войны. Кроме того, тенденции трансгуманизма принципиальным образом влияют на становление современного молодого специалиста, формирующего свое представление о мире. Распространение подобных принципов в обществе привело к росту стяжательства, политической коррупции, разложению общественных институтов, ухудшению состояния окружающей среды, цинизму и общему падению морали «дегуманизированного конкурентоспособного материала». Подобный подход привел к дегуманизации человека. То, что составляло сущность человеческого, стало переосмысляться теоретиками постиндустриального общества как «препятствие на пути технического прогресса».

Отрицая возможность познания законов истории, либеральные теории, тем не менее, являются механическими теориями стадийного развития, так или иначе напоминаящими формационную концепцию, поскольку утверждают, что «мир неизбежно идет к универсальному обществу господства частной собственности и индивидуализма». На следующем этапе эволюции «конкурентоспособного человеческого капитала» происходит превращение Homo Economicus в некую электронную модель с чипом. Подобные эксперименты с сознанием человека ведутся в военной области, хотя они и прикрываются вполне благородными целями – облегчение коммуникаций с парализованными людьми. Ученые и военные специалисты все чаще подчеркивают, что ««война нового поколения будет вестись по законам и правилам той стороны, которая в наибольшей степени подготовлена к реализации на практике самых передовых достижений в военно-экономической и технологической областях» [17, с. 22].

Кризис в Косово стал исходной точкой для рождения так называемого «нового гуманизма», сущность которого трактовалась следующим образом: «Сегодня создаются новые концепции миропорядка, пронизанные вдохновляющим опытом человеческих отношений и мирового сообщества. Эти новые концепции призваны вытеснить угасающие институты мирового порядка, продемонстрировавшие свое "гибельное бессилие", от которых поэтому следует отказаться в пользу вновь формирующихся идей с их "новаторским, но оправданным" отступлением от прежних норм. Может быть, утопические помыслы предыдущих поколений и обречены на осмеяние, но наития, заступающие на их место, являются истинными и поистине стимулирующими» [18, с. 3].

В современном мире все большее значение приобретает киберпространство, которое вместе с суши, морем, воздухом и космосом становится театром военных действий. В этом аспекте кибервойна является одним из магистральных направлений революции в военном деле, разворачивающейся на наших глазах. Кибервойна – это особый тип войны со своими отличительными чертами, особенностями и вооружениями. Применительно к многомерной нелинейной войне кибероружие используется в основном не непосредственно на поле боя, а для операций против политических, командных и штабных объектов, а также поражения различного рода тыловых структур, включающих и гражданские сети. Кибероружие является важным, эффективным компонентом ведения боевых действий в рамках многомерной нелинейной войны. Способность страны вести кибервойну как боевые действия исключительно в киберпространстве и использовать кибероружие в ходе современной войны является важнейшим показателем не только боеготовности вооруженных сил государства и гарантом его национальной безопасности, но и критерием качества технического образования.

Важно понять, по каким направлениям и аспектам современной многомерной нелинейной войны применение кибероружия может дать максимальный результат. При этом нуждаются в определении условия максимальной асимметрии применения кибероружия на «поле боя», проявляющиеся в достижении наилучшего соотношения между эффектом и затратами на возможно большем интервале време-

ни. В этом смысле кибероружие может выступать не только средством ведения асимметричной войны и уравнивателем, но и инструментом справедливого возмездия. Благодаря характерным чертам кибервойны открывается возможность применения кибероружия против военных, политических, финансово-экономических и промышленных инфраструктур страны-оператора. Причем масштабы причиненного ущерба в результате кибератак являются регулируемым параметром, а соответственно могут вынудить страну-оператора и стоящих за ней бенефициаров отказаться от дальнейшего участия в такого рода конфликтах. В этом плане можно согласиться со следующим утверждением: «Ускоренное развитие информационных технологий приводит к появлению новых тенденций, которые серьезно корректируют предыдущие представления о глобализации» [19, с. 47].

Выводы. Рационализация военного прогресса в современном нестабильном мировом сообществе проявляется в том, что в отличие от российского, американское общество не может вбирать мировые конфликты и разрешать их внутри себя. Более того, субъекты глобализации провоцируют военные конфликты, поэтому ведущей целью военного прогресса в эпоху глобализации является выполнение объективной всемирно-исторической функции, то есть построения устойчивого мира. Новый мировой порядок, который навязывается мировому сообществу, предполагает разрушение не только образовательных традиций, но и сложившихся представлений о воспитании, что обусловлено резким увеличением связности мира [20, с. 588].

Указанные тенденции формируют особенности восприятия сущности современного социального прогресса, принципиальной составляющей которого является военный прогресс. В современном глобальном мире теряются традиционные формы взаимоотношений между государствами; они видоизменяются, приобретая новые черты путем использования таких неоднозначных концепций, как трансгуманизм, кибервойна и т. п., угрожающих самой природе человека. В частности, все большее значение приобретает киберпространство, которое становится потенциальным театром военных действий, что предполагает высокий уровень профессионализма не только офицеров, но и обычных специалистов, представляющих технические отрасли государства. Военный прогресс в современном глобальном мире имеет тесную связь с формированием профессиональной культуры специалистов не только в техническом университете, представления о подобных социальных трансформациях современности формируются уже на уровне вуза, создавая облик современного молодого специалиста.

Сложность, динамичность, ритмичность, запутанность и многоакторность современной войны позволяют говорить о появлении нового типа войн, которые могут быть названы многомерными нелинейными войнами. В глобальном мире возникла проблема выживания человечества, ведь научно-технический прогресс создает широкое поле возможностей для принципиально нового развития военной техники и оружия массового уничтожения. Именно поэтому в XXI в. военный прогресс определяется не только и не столько научно-техническими элементами, представляя собой широкое понятие, которое включает, в частности, такие социально-философские категории, как «служение Отечеству», «боевой дух» и т. п. В связи с этим вопрос об уровне военного прогресса должен решаться исходя из конкретно-исторических особенностей, что во многом связано с уровнем общественного прогресса.

Направление военного прогресса может быть скорректировано многополярным мироустройством, что является объективным требованием эпохи глобализации. Суть концепции многополярности состоит именно в необходимости отвечать на глобальные вызовы объединенными усилиями различных центров мирового сообщества. Это призыв не к соперничеству, а к солидарности. При этом концепция многополярного мира, которая ранее не вызывала интерес, теперь стала объектом ожесточенных нападок. Это в полной мере проявляется и при анализе военного прогресса, где особую роль играет реальное наполнение таких принципиальных понятий, как «образ врага», «патриотизм», «военная угроза» и т. п.

Военный прогресс в своем консервативном содержании предполагает культивирование государственных структур как ведущих в определении социального прогресса. В условиях глобализации военный прогресс выступает как определенная стратегия и включает в себя не только комплекс военных мероприятий, но и долгосрочные программы в политической и других сферах государства. Именно поэтому выработка военной стратегии является важнейшей частью развития общества и государства, опирающегося на ментальные особенности конкретного социума. Данное направление выступает ведущим в определении военного прогресса как важного вектора социального прогресса в глобальном мире.

Для понимания ментальной составляющей военного прогресса важно учитывать, что идеология нового консерватизма, идентифицирующего себя с традицией, который освобождает мир от идеализированных представлений о природе человека и возможностях социальной политики, на самом деле скрывается приверженность к праву силы как основному принципу регулирования международных отношений. Подобное понимание социального развития не предполагает сколько-нибудь существенных преобразований действительности, потому что, по мнению западных ученых и практиков, строгое со-

хранение существующего положения вещей, где базисом выступают ценности западной цивилизации, является необходимым условием сохранения мира,

Таким образом, актуальность исследования проблем, связанных с ментальными особенностями разрывания военного прогресса, детерминирована социальными трансформациями, которые характеризуют современное глобальное мироустройство. Глобализационное давление, осуществляемое субъектами вестернистского варианта универсализации человечества, вызывает ответную реакцию, которая базируется на стремлении сохранить свою социокультурную идентичность, где менталитет играет ведущую роль. Важнейшим из происходящих в последнее время изменений стало обострение конкуренции между человеческими цивилизациями, то есть культурно-историческими общностями, объединенными не только тесными экономическими связями, но и глубокими факторами, что во многом определяет алгоритм военного прогресса современности и актуализирует исследование его особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бьюкенен П. Дж.** Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 444 с.
2. **Моисеев Н. Н.** Оправдание единства (комментарии к учению о ноосфере) // *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1988–1989*. М.: Наука, 1989. С. 97–118.
3. **Розов Н.** Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // *Война и геополитика. Вып. 3. Время мира*. Новосибирск, 2003. С. 75–120.
4. **Глоссон Р.** Природа войны // *Война и геополитика. Вып. 3. Время мира*. Новосибирск, 2003. С. 189–218.
5. **Коллинз Р.** Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны // *Война и геополитика. Вып. 3. Время мира*. Новосибирск, 2003. С. 35–59.
6. **Российская империя.** От истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 878 с.
7. **Тейлор Т.** Американский солдат в советском танке. Война Джозефа Байерли в войсках США и СССР. М.: Об-во сохранения лит. наследия, 2010. 320 с.
8. **Жукова Л.** Место в истории // *Литературная газета*. 2011. 29 июня – 5 июля.
9. **Иноземцев В. Л.** Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // *Вопросы философии*. 2004. №4. С. 58–69.
10. **Мартин Г.** «Суверенные» национальные государства как источник терроризма и прочность мирового порядка // *Вестник РФО*. 2004. №3. С. 70–73.
11. **Баринов А.** Новый век империй // *Имперское возрождение*. 2010. №5. С. 105–111.
12. **Гаджиев К. С.** Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // *Вопросы философии*. 2008. №5. С. 14–31.
13. **Bond M. H., Lun V. M.-C.** Citizen-making: The role of national goals for socializing children // *Social Science Research*. 2014. № 44. P. 75–85.
14. **Lister C.** Profiling the Islamic State, Brookings Doha Center. 2014 [Электронный ресурс]. URL: www.brookings.edu/~media/Research/Files/Reports/2014/11/profiling%20islamic%20state%20lister/en_web_lister.pdf (дата обращения: 16.06.2018).
15. **Barrett R.** Foreign Fighters in Syria [Электронный ресурс]. URL: <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/06/TSG-Foreign-Fighters-in-Syria.pdf> (дата обращения: 16.06.2018).
16. **Dalton M., Coker M.** «How Belgium became a jihadist-recruiting hub» [Электронный ресурс] // *The Wall Street Journal*. 2014. URL: <http://www.wsj.com/articles/how-belgium-became-a-jihadist-recruiting-hub-1411958283> (дата обращения: 16.06.2018).
17. **Чекинов С. Г., Богданов С. А.** О характере и содержании войны нового поколения // *Военная мысль*. 2013. № 10. С. 20–26.
18. **Хомский Н.** Новый военный гуманизм: уроки Косово. М.: ПРАКСИС, 2000. 60 с.
19. **Яценко М. П., Черный Д. С.** Исследование особенностей информационного управления в контексте глобалистики // *Профессиональное образование в современном мире*. 2015. №4 (19). С. 42–52.
20. **Кудашов В. И., Черных С. И., Яценко М. П., Рахинский Д. В.** Влияние информационных технологий на формирование нравственных основ глобализационного образования // *Профессиональное образование в современном мире*. 2016. Т. 6, №4. С. 583–592. DOI: 10.15372/PEMW20160403

REFERENCES

1. **Buchanan P. J.** [Death of the West]. Moscow: AST Publ., 2003, 444 p.
2. **Moiseev N. N.** [Justification Unity (comments on noosphere studying)]. *Philosophy and sociology of science and technology, 1988–1989 Yearbook*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 97–118.

3. **Rozov N.** [War is always close to you: nature and origin of mass organized violence]. *Voina i geopolitika = War and Geopolitics*, no. 3. Time of peace, Novosibirsk, 2003, pp. 75–120. (In Russian)
4. **Glosson R.** [Nature of war]. *Voina i geopolitika = War and Geopolitics*, no. 3. Time of peace, Novosibirsk, 2003, pp. 189–218. (In Russian)
5. **Collins R.** [Violent conflict and social organization: some theoretical investigation of Sociology of war]. *Voina i geopolitika = War and Geopolitics*, no. 3. Time of peace, Novosibirsk, 2003, pp. 35–59. (In Russian)
6. **[Russian Empire.** From its origins to the early 19th century: Essays on socio-political and economic history]. Moscow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences Publ., 2011, 878 p.
7. **Taylor T.** [American soldier in a Soviet tank. Joseph Beyrle war in United States and the Soviet Union]. Moscow, Society of literary heritage Publ., 2010. 320 p.
8. **Zhukova I.** [Place in history]. *Literaturnaya Gazeta = Literary bulletin*, 2011, June 29 – July 5.
9. **Inozemtsev V.I.** [Westernization as globalization and globalization as Americanization] *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2004, no. 4, pp. 58–69. (In Russian)
10. **Martin G.** [Sovereign National State as a source of terrorism and the strength of the world order]. *Vestnik RFO = Bulletin of RPS*, 2004, no. 3, pp. 70–73. (In Russian)
11. **Barinov A.** [New age of Empires]. *Imperskoe vrozozhdenie = Imperial revival*, 2010, no. 5, pp. 105–111. (In Russian)
12. **Gadzhiev K.S.** [Notes on metamorphosis of liberal values]. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2008, no. 5, pp. 14–31. (In Russian)
13. **Bond M.H., Lun V.M.-C.** Citizen-making: The role of national goals for socializing children. Michael Harris Bond, Vivian Miu-Chi Lun. *Social Science Research*, 2014, no. 44, pp. 75–85.
14. **Lister C.** Profiling the Islamic State, the Brookings Doha Center. 2014. Available at: www.brookings.edu/~media/Research/Files/Reports/2014/11/profiling%20islamic%20state%20lister/en_web_lister.pdf (accessed June 16, 2018).
15. **Barrett R.** Foreign Fighters in Syria. Available at: <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/06/TSG-Foreign-Fighters-in-Syria.pdf> (accessed June 16, 2018).
16. **Dalton M., Coker M.** «How Belgium became a jihadist-recruiting hub». The Wall Street Journal. 2014. Available at: <http://www.wsj.com/articles/how-belgium-became-a-jihadist-recruiting-hub-1411958283> (accessed June 16, 2018).
17. **Chekinov S.G., Bogdanov S.A.** [On the nature and content of a new generation of war]. *Voennaya mysl = Military thought*, 2013, no. 10, pp. 20–26. (In Russian)
18. **Chomskiy N.** [New military humanism: lessons from Kosovo]. Moscow, PRACTICE Publ., 2000, 60 p.
19. **Iatsenko M.P., Chornyy D.S.** [Study of information management in the context of globalization] *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2015, no. 4 (19), pp. 42–52. (In Russian)
20. **Kudashov V.I., Chernykh S.I., Iatsenko M.P., Rakhinskiy D.V.** [Influence of information technologies on the formation of moral foundations of globalization education]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 583–592. DOI: 10.15372/PEMW20160403 (In Russian)

Информация об авторах

Максимов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор военной кафедры военно-инженерного института, Сибирский федеральный университет (660041, Красноярск, пр. Свободный, 79).

Яценко Михаил Петрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет (660041, Красноярск, пр. Свободный, 79, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru)

Information about the authors

Sergey V. Maksimov – Doctor of Philosophic Sc., Professor at the Military Chair of Military Institute at Siberian Federal University (79 Svobodny Av., 660041 Krasnoyarsk).

Mikhail P. Iatsenko – Doctor of Philosophic Sc., Professor at the Chair of Global Studies and Geopolitics at Siberian Federal University (79 Svobodny Av., 660041 Krasnoyarsk, e-mail: mi-khailyatzenko@yandex.ru)